

ФИЛОСОФИЯ

УДК 172.4+355.01

Невидимый враг: от метафоры к концепту

Н. А. Балаклеец

Самарский государственный технический университет,
Российская Федерация, 443100, Самара, ул. Молодогвардейская, 244

Для цитирования: Балаклеец Н. А. Невидимый враг: от метафоры к концепту // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 3. С. 410–422. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.301>

Проблема, решению которой посвящена настоящая статья, связана с отсутствием в политической философии специальных исследований концепта «невидимый враг». Для существующих теоретических работ характерно спорадическое, зачастую метафорическое использование указанного концепта, не предполагающее экспликацию его политико-философского содержания. В качестве невидимых врагов в метафорическом смысле данного термина обозначаются объекты, имеющие неантропогенную природу (вирусы, бактерии, источники болезней), а также чужеродные элементы политического тела, которые обладают разрушительным потенциалом. Проведенный анализ выявил две смысловые области использования концепта «невидимый враг», релевантные политической философии: физическую и символическую невидимость. *Физическая невидимость* соперника на поле боя или в условиях дистанционного ведения военных действий проблематизируется в работах К. фон Клаузевица, К. Шмитта, З. Баумана, Г. Шамаю и других авторов. Русская философия переносит концепт невидимого врага в русло этической рефлексии (В. С. Соловьев, Л. П. Карсавин, Н. А. Бердяев, Ф. А. Степун). Автор статьи обосновывает тезис о ситуативном и относительном характере феномена невидимого врага, связанном с достижением предела перцептивной неразличимости. Физическая невидимость врага связана с вовлечением в орбиту военных действий новых пространственных сфер и утверждением в них вертикального измерения. Полемизируя с идеями К. Шмитта, автор применяет концепт невидимого врага не только к феномену партизана, но и к современным комбатантам. *Символическая невидимость*, способы достижения которой выявлены в работах Ф. Бэкона, Т. Гоббса, К. Шмитта, основана на перенесении актора войны в иное смысловое поле, в котором происходит его деполитизация и ресимволизация в качестве гражданского объекта.

Ключевые слова: невидимый враг, политика, война, вражда, пространство, тело.

Включение феномена войны как предельно интенсивной степени вражды в орбиту философской рефлексии открывает перед исследователем целый ряд возможностей его проблематизации. Одним из путей постижения полисемантической сущности войны является его помещение в проблемное поле визуальной культуры. Война может быть понята с привлечением дихотомии видимое/невидимое, которая значима как для анализа глобальных политических процессов, так и для исследования способов конструирования жизненного мира непосредственными участниками военных действий.

Одним из концептуальных средств анализа современной войны и идентичности ее акторов может служить концепт «невидимый враг». В существующей философской и социально-гуманитарной литературе отсутствует комплексное исследование реалий, которые охватываются указанным концептом. Авторы ограничиваются его ситуативным несистематическим использованием, не предполагающим экспликацию его политико-философского содержания. В целом ряде источников упомянут феномен невидимого врага, который относится к реалиям технизированной войны и демонстрирует новую идентичность ее участников [1–6]. Вместе с тем данный феномен не получает строгого терминологического определения и семантического развертывания. Введение в политическую философию специального концепта и выявление его смысловых границ позволит систематизировать разрозненные исследования и определить круг явлений, которые могут быть охвачены данным концептом.

На наш взгляд, следует выделить два способа конституирования смыслового содержания термина «невидимый враг». Во-первых, в политическом дискурсе он может использоваться в качестве метафоры для обозначения объектов, которые имеют как антропогенное, так и неантропогенное происхождение. Во-вторых, данный термин может иметь строгие смысловые границы, очерченные предметной областью политической философии. Рассмотрим далее последовательно каждую из обозначенных смысловых областей применения указанного термина.

В теоретическом дискурсе существуют прецеденты использования термина «невидимый враг» в метафорическом значении по отношению к источникам социальных рисков и угроз, которые имеют неантропогенную природу. Так, в ряде научных исследований существование и деструктивная мощь невидимого врага связываются со штаммом COVID-19, который причинил человечеству вред, сопоставимый по своим масштабам с уроном от военных действий [7–8].

Метафоризация войны и связанных с ней понятий распространяется на концепт *врага* в целом: в условиях крупномасштабных политических рисков достижение социальной солидарности происходит путем диффамации Другого, несущего угрозу. Социальное конструирование феномена врага получает эмоционально-образное наполнение в метафорах, наиболее яркими и действенными из которых являются метафорические образы болезней и болезнетворных организмов. Чума, сифилис, туберкулез, а также раковая опухоль (которая, по выражению Сьюзен Зонтаг (Sontag), является «самой радикальной из всех медицинских метафор» [9, S. 71]) служат метафорическими инструментами, которые используются в политических целях [10, S. 13].

Распространенность медицинской метафоры по отношению к врагу в политическом дискурсе восходит к хрестоматийному способу представления и опи-

сания государства как единого политического тела, которому предписывается сохранять здоровое состояние, ограждая себя от источников болезни. Восходящая к *Korpus Christi* Апостола Павла (Paul) и далее воплощающаяся в *corpus ecclesiae mysticum*, «мистическом теле церкви», и, наконец, в государственном теле (*corpus reipublicae mysticum*), метафора политического тела стала «общим местом» политической философии Средних веков [11, с. 639]. Вместе с тем указанная метафора сохранила свое значение и в философии Нового времени, обладая не только теоретическим потенциалом, но и инструментальной ценностью [10, S. 14–15; 12, с. 165]. Соответственно, враг в рамках заданного дискурса трактуется как источник болезни, разрушающий онтологическую целостность политического организма. Политическое единство (государство), подверженное влиянию рисков и угроз, наделяется чертами органического тела, открытого для вторжения смертоносных болезней (внешний враг) или уже пораженному таковыми (внутренний враг). Показательно приведенное Т. Гоббсом (Hobbes) сравнение незаконно конституируемых в государственном теле социальных общностей с «опухольями, желчью и нарывами, порожденными неестественным скоплением дурной жидкости» [12, с. 165]. Борьба с источниками политических угроз, таким образом, уподобляется хирургической операции, в результате которой здоровые ткани организма отделяются от пораженных заболеванием. Коллективный враг представляет собой множество, обладающее сложной структурой, каждый из элементов которой не может быть «видимым» в отдельности. Метафора болезни, распространяясь на феномен врага, наделяет его однородностью и переводит его в режим видимости.

Указанные метафорические инструменты конструирования врага являются не просто способом его визуализации. Речь идет о гипервизуализации, которая достигается с использованием особой оптики: враг, который ассоциируется с вирусной инфекцией или с раковой опухолью, представлен из оптически опосредованной перспективы клинициста. Это противоестественное микроскопическое видение основано на гипостазировании метафорического объекта и изъятии его из горизонта сопринадлежащих ему феноменов. Болезнь как состояние организма не существует сама по себе, она не инкорпорирована в особое, свойственное ей теле. Ее возбудители вторгаются в чужое тело, поражая его структуру. Враг, который характеризуется с использованием медицинских метафор, наделяется негативной идентичностью, представая как воплощенная болезнь. Иными словами, метафора чумы или рака, применяясь по отношению к врагу, наделяет его не идентичностью больного, которого можно вылечить, но идентичностью самой болезни, подлежащей не исцелению, но уничтожению. Рассматриваемые процессы метафоризации помогают прояснить механизм конструирования собственной политической идентичности и идентичности врага. Получая наглядное воплощение, медицинские метафоры врага приобретают суггестивный потенциал и могут быть использованы в качестве эффективных средств политической агитации. Вместе с тем «враг», понимаемый лишь в качестве теоретического конструкта, а не в качестве метафоры, подлежит четкому определению и типологизации.

Концепт врага как элемент политико-философского дискурса должен быть очищен от метафорических наслоений и образности. Следовательно, прежде чем перейти к анализу феномена невидимого врага, проясним теоретическое значение

концепта «враг», релевантное политической философии, и определим область его применения.

Следует обратить внимание на терминологическую некорректность в употреблении концепта «враг» применительно к объектам, которые имеют неантропогенный характер. Понятие врага в строгом, неметафорическом значении распространяется не на природные объекты или результаты деятельности человека, но исключительно на человека, инкорпорированного в социальные и политические структуры. В качестве врага в неметафорическом значении данного термина не могут выступать животные или микроорганизмы. «Невидимыми врагами» исключительно в метафорическом смысле являются такие имеющие антропогенное происхождение объекты, как радиоактивная пыль, отравляющие газы или военная техника, созданная с применением маскировочных технологий.

Состояние вражды обостряет и доводит до крайности противостояние «я» и Другого. Определение чужого наличного бытия в качестве враждебного моему наличному бытию предполагает обнаружение среди универсума экзистенциальных и социальных связей и отношений, в которые включен человек, таких, которые носят антагонистический характер. Согласно К. Шмитту (Schmitt), вражда есть «бытийственное отрицание чужого бытия» [13, с. 308]. Подчеркнем, что отрицание бытия Другого возможно как в физическом, так и в символическом измерении. Враг может быть уничтожен физически, но сохранить символическое измерение бытия (героическая смерть воина служит источником создания нарративов, прославляющих павшего героя в качестве символической фигуры). Напротив, возможна и другая ситуация, когда физическое существование врага не подвергается отрицанию, но происходит разрушение его символического статуса (плен или рабство).

Концепт врага, распространяясь на человеческое бытие, обретает как экзистенциально-антропологическое, так и политическое измерение: враг как сущее, которое очерчивает и сжимает границы моего существования и ставит его на грань небытия, может воплощаться как в фигуре личного недоброжелателя и обидчика, так и в политическом гештальте. Новозаветная заповедь «любите врагов ваших» (*diligite inimicos vestros*) актуализирует экзистенциально-антропологический смысл вражды: любить и прощать предписывается не супостатов, несущих угрозу для моего государства, но именно личных недоброжелателей, которые словом или делом нанесли мне обиду: «Это люди, живущие бок о бок с обижаемыми ими людьми, как правило, знакомые эти последним, могущие ударить их по щеке, попытаться отнять у них одежду, берущие у них деньги взаймы и не отдающие долга» [14, с. 239]. Личные враги, которых предписывает любить новозаветная заповедь, явлены как *видимые* враги: именно по отношению к феноменально доступному Другому, отрицающему мое наличное бытие, труднее взрастить в себе эмоционально-нравственное чувство.

Будучи понятым в качестве политического феномена, враг утрачивает индивидуально-личностные характеристики, выступая носителем сверхличностного начала. Это положение было обосновано еще Ж.-Ж. Руссо (Rousseau), который трактовал войну не как «отношение человека к человеку», но как «отношение государства к государству» [15, с. 9]. Для политической философии К. Шмитта врагом в подлинном смысле слова выступает *публичный* враг (*der öffentliche Feind*): «Враг есть только некая, по меньшей мере, эвентуально, т. е. по реальной возможности,

борющаяся совокупность людей, противостоящая точно такой же совокупности» [13, с. 304]. Соответственно, врагом на войне в подлинном смысле слова выступает юридически признанный или законный враг (*justus hostis*), который обладает правом на вооруженное насилие, поскольку является официальным представителем противоборствующего государства и по своему юридическому и символическому статусу принципиально отличается от «незаконного врага» — партизана, пирата или террориста [16, с. 187, 474].

Шмитт, положивший дихотомию друга и врага в основу политического, проводит разграничение понятий «враг» и «конкурент». Тенденция к вытеснению последним из указанных понятий первого, которая заявляет о себе в современном мире в дискурсе СМИ, есть свидетельство превосходства экономики над политикой. Развивая данную мысль, отметим, что аналогичная распространенная в современном обществе тенденция к употреблению эвфемизма «партнер» для обозначения отношения к политическим соперникам, является, на наш взгляд, симптомом кризиса политического и стремления к учреждению на его обломках постполитики, где оппозиция друга и врага утрачивает всякий смысл.

Согласно Шмитту, конститутивные для феномена политического понятия «друг», «враг» и «борьба» приобретают смысл исключительно в связи с возможностью физического насилия. Врагами в подлинном смысле слова не могут выступать оппоненты в дискуссии, представители разных религиозных убеждений или носители разных мировоззрений. Война как «крайняя реализация вражды» [13, с. 308] основана на реальной возможности убийства. Война, которая сохраняет политический характер, характеризуется преимущественно *открытым* противостоянием врагов, которые, являясь комбатантами соответствующих государств, различаются даже своей униформой [13, с. 309–310]. Примечательно, что характеризуя войну как вооруженное противостояние, основанное на открытой вражде, автор «Понятия политического» имплицитно апеллирует к визуальным концептам: речь идет о *видимых* друг для друга врагах, которые наделены правом убивать как представители суверенных государств, а потому являются законными врагами (*justi hostes*). Немаловажно подчеркнуть, что война, будучи политическим феноменом, по Шмитту, не должна приводить к полному уничтожению врага (политического единства): врага следует отразить, водворить обратно в его границы, но не привести к полному небытию, что означало бы выход за пределы политического и утверждение новой формы войны — «последней окончательной войны человечества» [13, с. 312]. Подобное отношение к врагу, релевантное для Шмиттовой политической философии, можно обозначить как *удерживающее отрицание*. Борьба с врагом предполагает сохранение его статуса в отведенных ему границах, за исключением тех случаев, когда речь идет об абсолютной вражде [13, с. 400]. Принятие решения о наличии врага (т. е. конституирование гештальта врага) и определение его границ позволяет политическому миру существовать в качестве плюриверсума — совокупности политических единств.

Значимым для исследования феномена невидимого врага является проведенное Шмиттом разграничение войны как акции и войны как состояния (*status*). В первом случае речь идет об активных военных действиях, когда враг как противник присутствует «непосредственно и зримо». Во втором случае предполагается наличие врага даже в ситуации прекращения открытого вооруженного противо-

стояния политических акторов [13, с. 381]. Очевидно, что здесь подразумевается не комбатант, противостоящий другому комбатанту на поле боя, но потенциальный военный соперник. Война как состояние основана на враждебном отношении между политическими единствами. Тем не менее отсутствие непосредственных военных действий между государствами еще не позволяет сделать вывод о невидимом характере врага. Корректнее было бы в данном случае говорить о пространственно удаленном враге (если подразумеваются комбатанты враждебного государства, не переступившие его границ) или коллективном враге как политическом единстве, находящемся с другим политическим единством в состоянии вражды. Именно по отношению к войне как состоянию применимы рассматриваемые выше медико-биологические метафоры врага.

Шмиттово политическое понимание вражды, основанное на ее не метафорическом, но строго теоретическом определении, характеризуется неполнотой и спорадичностью концептуализации сопряженных с ней визуальных практик. На наш взгляд, в «Понятии политического» Шмитт абсолютизирует открытый и зримый характер участников военного противостояния, отказываясь от проблематизирования феномена невидимого врага. Это связано с тем, что в данной работе автор оставляет незатронутым вопрос о роли иррегулярных акторов в военных действиях, рассматривая военную вражду исключительно как симметричное противостояние «законных врагов». Дуэльный и открытый характер вооруженного противостояния предполагает симметрию не только в области военных технологий, но и в сфере визуальных эффектов войны. Учреждение масштабных пространственных дистанций между воюющими соперниками, а также асимметризация войны, участниками и жертвами которой наряду с *justi hostes* выступают некомбатанты, порождают феномен невидимого врага.

Показательно, что указанный феномен был эксплицирован еще К. фон Клаузевицем (Clausewitz) в связи с исследованием таких форм ведения войны, как оборона и наступление. Согласно прусскому военному теоретику, невидимым для своего противника является обороняющийся комбатант, который грамотно использует преимущества местности с целью маскировки: «...наступающий должен продвигаться по большим трактам и дорогам, где его нетрудно наблюдать, а обороняющийся располагается укрыто и остается невидимым для наступающего почти до решительного момента» [17, с. 163–164]. Отметим, что, во-первых, приходя к данному выводу, автор исходит из понимания войны как «акции», а не как «состояния» (в терминологии К. Шмитта). Во-вторых, понятие невидимости здесь используется в его физическом значении недоступности зрительному восприятию. Невидимость врага не может быть абсолютной, она имеет временный, ситуативный и пространственно обусловленный характер. Обороняющийся может воспользоваться преимуществом своей ситуативной невидимости для того, чтобы неожиданно для своего противника перейти в атаку.

Русская философия перенесла концепт невидимого врага на почву этической проблематики. Производство масштабных дистанций между соперниками на войне приводит к преобразованию воинского этоса, на что обращает внимание В. С. Соловьев, эксплицируя феномен невидимого врага. Философ снимает ответственность с комбатантов за убийство на войне, полагая, что оно не вызвано злым намерением: «На войне у отдельного солдата такого намерения, вообще говоря,

не бывает, особенно при господствующем ныне способе боя из дальнотрельных ружей и пушек против *невидимого* за расстоянием неприятеля» [1, с. 355]. Пространственная удаленность соперников на поле боя и их взаимная перцептивная недоступность придают технизированной войне постгероический характер. Так, по выражению Н. А. Бердяева, на смену открытому противостоянию соперников приходит «убийство из-за угла» [18, с. 185]. Враг, ставший объектом, который достиг предела перцептивной неразличимости, не может служить источником нравственного чувства — об этом свидетельствует военный опыт Ф. А. Степуна, полученный в условиях окопного противостояния Первой мировой войны: «...австрийцы в окопах для нас не люди, которых мы завтра можем увидеть в лицо, а некий безликий “он”. Мы их не видим, потому не знаем; не знаем — не любим. А когда видим и знаем (раненых, пленных) — то любим» [3, с. 59]. Связывая зрительную недоступность врага с конституированием эмоционально нейтрального отношения к нему, русская этическая мысль предвосхищает выводы, полученные в ходе знаменитых экспериментов С. Милгрэма (Milgram) [5, с. 43]. Производство физической дистанции между мной и Другим влечет за собой производство социальной и символической дистанции. Обезличенный Другой, отделенный расстоянием и выпавший из интерсубъективного коммуникативного поля, становится простой мишенью для атаки, объектом, нивелирующим скрытое за ним человеческое присутствие.

Вместе с тем полная неразличимость объекта атаки не только привела бы к затруднениям в осуществлении военной деятельности, но и сделала бы ее невозможной. Соответственно, ведение войны предполагает осуществление практик перевода невидимых объектов в видимые и наоборот. В данном контексте весьма показательным является предложенное П. Вирильо (Virilio) описание Первой мировой войны как первой медийной войны в истории человечества, когда на смену непосредственному физическому столкновению противников на поле боя пришла «бойня на расстоянии, в которой противник оставался невидимым». Одновременно с утверждением технически обусловленных способов достижения перцептивной недоступности происходит совершенствование военной оптики, в силу чего участники окопной войны стали «первыми зрителями пиротехнического ревью» (цит. по: [19, S. 188]). Таким образом, «невидимый враг» есть модус идентичности воина, подобно тому, как невидимость в целом представляет собой неатрибутивное свойство объекта.

В феноменальном мире невозможна невидимость «сама по себе», обусловленная исключительно имманентными свойствами того или иного объекта. Невидимым объект предстает из определенной перспективы, будучи помещенным в определенные условия — на этом и основано искусство маскировки. Из другой перспективы или в других условиях тот же самый феномен может быть вполне доступен зрительному восприятию. В то же время ни один объект полностью не является открытым для нашего восприятия, не явлен во всей полноте своих свойств. В данной связи сошлемся на хрестоматийный пример феноменологов с кубом, шесть граней которого никогда одновременно не предстают перед моим взором: шестигранный куб не только невидим, но и немислим [20, с. 64–65; 21, с. 58–59]. Тем не менее я утверждаю, что вижу куб и полагаю, что вижу его целиком, хотя мое видение всегда перспективно и односторонне.

Указанные перспективность и ситуативная обусловленность явленности объекта отчетливо прослеживаются и в отношении феномена невидимого врага. Если мы анализируем данный феномен из перспективы вовлеченного в войну, то перед нами стоит задача достижения собственной невидимости и визуализации противника, который, соответственно, стремится обрести и/или сохранить свойство перцептивной недоступности. Вопрос заключается в том, где пролегает граница (не)видимости. Эта граница не является имманентной самому физическому телу. Речь идет о создании таких условий, при которых возможен перевод видимых объектов в невидимые. Этот перевод связан с достижением предела зрительной неразличимости объекта. Искомый предел обладает подвижным и нестабильным характером и меняется в зависимости от природно-географических условий, уровня развития военной техники, а также степени сложности научно-технических достижений общества в целом. Стать невидимым для своего врага означает достичь предела неразличимости, конструируя перспективу и границы его восприятия реальности. Визуализация невидимого врага, напротив, основана на разрушении установленного им предела перцептивной недоступности. Таким образом, невидимый враг есть феномен, расположенный по ту сторону перцептивной границы и одновременно задающий эту границу.

Невидимость в физическом понимании данного термина достигается путем использования ресурсов физического пространства, в которое встраивается новое измерение. *Видимые* враги противостоят друг другу открыто, пребывая на пространственной *поверхности*. *Невидимый* враг скрыт благодаря добавлению к горизонтальному пространственному измерению вертикального, благодаря переводу поверхности в *глубину*. В данной связи значимой является приводимая К. Шмиттом аналогия с подводной лодкой, добавляющей измерение глубины к поверхности моря, на которой разыгрывалась традиционная морская война [4, с. 108]. В качестве открытых врагов, которые носят униформу, оружие и знаки различия, выступают комбатанты в международно-правовом смысле данного термина. Невидимый враг, действующий исподтишка, облаченный в гражданскую одежду или униформу противника, избегающий открытого ношения оружия, — это «незаконный враг», партизан [4, с. 59–60].

Видимая война разворачивается в особом географическом пространстве (масштабные поля сражений) и учреждает собственное искусственное пространство, выделенное на фоне природного. Видимость военных действий предполагает утверждение различий: социальное не только отделяется от природного (комбатанты в ярких, заметных издали мундирах), но и само структурируется системой различий (знаки различия как маркеры военной иерархии). *Невидимая* война стирает различия как между социальным и природным (социальное «растворяется» в природном, сливается с ним), так и между «своими» и «чужими» акторами войны, а также между комбатантами и некомбатантами. Партизан как невидимый враг скрывается в особых пространственных топосах, становится неразличимым при проведении подрывных акций, смешиваясь с комбатантами противника или с представителями гражданского населения.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что связывать видимый характер войны исключительно с деятельностью комбатантов, отводя роль невидимого врага партизану, было бы некорректно. История и современность войн демонстрируют массу

возможностей достижения невидимости, которые используют бойцы регулярных армий. Вертикальное пространственное измерение, утверждение которого приводит к трансформации классической сухопутной войны, скрывает участников вооруженного противостояния (рассмотренный выше феномен невидимого врага в окопной войне). Невидимость комбатантов достигается путем увеличения дистанции между ними и вовлечения в орбиту войны новых видов пространства — воздушного и морского — и конституирования в них новых вертикалей. В условиях современных войн невидимый для своих жертв враг приводит в действие ракетно-бомбовое оружие [22] или управляет беспилотным летательным аппаратом [6].

Функционирование врага в модусе невидимости может быть связано с комплексным и рассредоточенным в пространстве и времени характером его деятельности, вследствие чего результат деструктивного воздействия актора отчуждается от самого актора. Опосредованное насилие осуществляется путем использования подрывной мощи современного оружия и средств уничтожения (мины замедленного действия, боевые ракеты, химическое и бактериологическое оружие), которое не предполагает непосредственного контакта актора и жертв насилия.

Подчеркнем, что во всех приведенных выше случаях речь шла о достижении невидимости в физическом смысле данного термина. Однако возможна и иная трактовка невидимости в условиях как самой войны, так и невоенного политического противостояния, и реализация иных стратегий ее достижения. Речь идет о таких ситуациях, когда зримый враг не должен быть определен в качестве врага. Иными словами, он должен стать неразличимым для своего противника, оставаясь перцептивно доступным для него. Если скрыть объект в физическом пространстве можно, инкорпорируя его в иное пространственное измерение, то *символическая невидимость* достигается путем его перевода в иное смысловое поле, в структуре которого военные объекты воспринимаются как гражданские.

Особенно важной является задача обретения символической невидимости для представителей внешней разведки, которые обретают идентичность невидимого врага, выдавая себя за граждан чужого государства или выполняя секретную дипломатическую миссию в качестве частного лица. Возможность функционирования политических акторов в режиме символической невидимости и связанные с этим преференции описываются, в частности, Ф. Бэконом (Bacon) в работе «Новая Атлантида». Деятельность членов «Соломонова дома», научного учреждения жителей Новой Атлантиды, которые каждые двенадцать лет организуют морские путешествия в разные страны мира с целью приобретения нового знания, по сути является научно-промышленным шпионажем. Путешественники остаются неизвестными благодаря способности уподобляться местному населению, т. е. встраиваться в изначально чуждое для себя смысловое поле и инокультурные дискурсивные практики [23].

Политически значимое обретение символической невидимости обосновывается Т. Гоббсом. Мыслитель указывает на возможность эффективного осуществления планов внешней разведки при условии сохранения тайным агентом статуса гражданского лица: «...так как никто не замечает в нем иного лица, кроме его собственного, он является лишь частным служителем, но все же служителем государства, и его можно сравнить с глазом в естественном теле» [12, с. 169]. Символическая невидимость политического актора в данном контексте означает его неузнанность

по причине изъятия из дискурса публичной дипломатии. Гоббс апеллирует здесь к расхожей метафоре политического тела, один из элементов которого — глаз — является одновременно видящим и невидимым.

Переход врага в режим символической невидимости сопровождается ресимволизацией его физического тела, которое отныне служит репрезентантом деполитизированного дискурса: невидимый враг лишен знаков различия и прочих атрибутов, свойственных публичному врагу. Иными словами, конституирование невидимого врага предполагает политическую десимволизацию его тела. Изъятое из политического дискурса, тело врага приобретает символическую невидимость, органично включаясь в новую для себя смысловую реальность. Показателен в данной связи мысленный эксперимент К. Шмитта, предложившего представить партизана, в распоряжении которого оказалась бы подрывная мощь боевого ядерного оружия. Возможность применения его сверхразрушительного потенциала открывается не путем использования ресурсов физического пространства («ухода в лес»), но путем ресимволизации тела партизана: «...подлинный партизан в спецодежде детского врача отправится за ближайшую гору и оттуда разрушит плотины, перегораживающие поймы рек Зауэрланда и ближайшей местности, — эффект будет таков, что вся Рурская область превратится в болото» [4, с. 158]. Видимый в физическом смысле слова враг не воспринимается в качестве врага, поскольку он обрел символическую невидимость, которая служит средством усиления его политического и военно-технического могущества. Таким образом, открытая военная вражда не исчерпывает всех граней противостояния политических акторов. Символические инструменты политики могут оказаться гораздо более действенными, чем демонстративная эскалация насилия.

Подводя итог настоящему исследованию, отметим, что оно выявило эвристическую значимость концепта «невидимый враг» для политической философии и правомерность его использования в качестве теоретического инструмента анализа войн и политических конфликтов. Проведенный анализ выявил возможности как метафорического, так и строго теоретического использования концепта «невидимый враг». Выступая в качестве элемента смыслового поля политической философии, указанный концепт может употребляться, во-первых, в своем буквальном, физическом значении: невидимость участника военных действий означает его недоступность зрительному восприятию для своего противника. Технологии войны направлены на конституирование практик обретения (не)видимости, связанной с достижением предела перцептивной неразличимости объектов. Во-вторых, существует символическая невидимость: в этом случае политический соперник, вполне зримый в физическом пространстве, не воспринимается в качестве врага, поскольку он изъят из символического пространства войны. Символическая деполитизация служит эффективным инструментом реализации власти в условиях войн и латентных политических конфликтов.

Литература

1. Соловьев, В. С. (2010), *Оправдание добра*, в: Соловьев, В. С., *Нравственная философия. Избранное*, М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), с. 198–423.
2. Карсавин, Л. П. (2011), *Человек в христианстве*, в: Карсавин Л. П., *Философия истории*, Минск: Изд-во Белорусского экзархата, с. 621–766.

3. Степун, Ф. (1926), *Из писем прапорщика-артиллериста*, Прага: Пламя.
4. Шмитт, К. (2007), *Теория партизана*, М.: Праксис.
5. Бауман, З. (2010), *Актуальность Холокоста*, М.: Европа.
6. Шамаю, Г. (2020), *Теория дрона*, М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж».
7. Shaw, D. M. (2020), Invisible Enemies: Coronavirus and Other Hidden Threats, *Journal of bioethical inquiry*, vol. 17 (4), pp. 531–534. <https://doi.org/10.1007/s11673-020-10015-w>.
8. Farris, S., Yuval-Davis, N. and Rottenberg, C. (2021), The Frontline as Performative Frame: An Analysis of the UK COVID Crisis, *State Crime Journal*, vol. 10 (2), pp. 284–303, <https://doi.org/10.13169/statecrime.10.2.0284>.
9. Sontag, S. (2005), Krankheit als Metapher, in: Sontag, S., *Krankheit als Metapher, Aids und seine Metaphern*, 2. Aufl., Frankfurt a. M.: Fischer, S. 9–74.
10. Bischof, K. (2015), Metaphern und deren Relevanz in der politischen Theorie, in: *Global Player EU? Eine ideologiekritische Metaphernanalyse*, Bielefeld: transcript Verlag, S. 11–81.
11. Канторович, Э. Х. (2015), *Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии*, М.: Изд-во Института Гайдара.
12. Гоббс, Т. (2001), *Левиафан*, М.: Мысль.
13. Шмитт, К. (2016), *Понятие политического*, СПб.: Наука.
14. Слинин, Я. А. (2004), *Феноменология интересубъективности*, СПб.: Наука.
15. Руссо, Ж.-Ж. (1938), *Об общественном договоре. Принципы политического права*, М.: Государственное социально-экономическое издательство.
16. Шмитт, К. (2008), *Номос Земли в праве народов jus publicum europaeum*, СПб.: Владимир Даль.
17. Клаузевиц, К. (2009), *О войне*: части 5–6, М.: РИМИС.
18. Бердяев, Н. А. (2006), *О рабстве и свободе человека*, М.: АСТ; АСТ Москва; Хранитель.
19. Flickinger, B. (2007), Krieg und Kino. Visuelle Waffen im Spiel mit der Wahr-Nehmung, in: *Krieg. Vergleichende Perspektiven aus Kunst, Musik und Geschichte*, Heidelberg: Universitätsverlag Winter GmbH, S. 187–200.
20. Декомб, В. (2004), *Современная французская философия*, М.: Весь мир.
21. Сартр, Ж.-П. (2001), *Воображаемое. Феноменологическая психология воображения*, СПб.: Наука.
22. Jaspers, K. (1958), *Die Atombombe und die Zukunft des Menschen. Politisches Bewusstsein in unserer Zeit*, München: R. Piper & Co Verlag.
23. Бэкон, Ф. (1962), Новая Атлантида, в: Бэкон, Ф., *Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические*, М.: Изд-во АН СССР, с. 5–33.

Статья поступила в редакцию 27 июня 2022 г.;
рекомендована к печати 15 апреля 2023 г.

Контактная информация:

Балаклеец Наталья Александровна — канд. филос. наук, доц.; bnatalja@mail.ru

The Invisible Enemy: From Metaphor to Concept

N. A. Balakleets

Samara State Technical University,
244, Molodogvardeyskaya ul., Samara, 443100, Russian Federation

For citation: Balakleets N. A. The Invisible Enemy: From Metaphor to Concept. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023, vol. 39, issue 3, pp. 410–422. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.301> (In Russian)

The problem, the solution of which this article is devoted to, is related to the lack of special studies of the concept of “invisible enemy” in political philosophy. Existing theoretical works

do not pay enough attention to this concept. Its metaphorical use fails to make explicit all of its potential and importance for political philosophy. As “invisible enemies” only in the metaphorical sense of this term can be regarded objects that have a non-anthropogenic nature (viruses, bacteria, sources of disease), as well as extraneous elements of the political body that have destructive potential. The analysis carried out revealed two semantic areas of using the concept of “invisible enemies”, relevant to political philosophy, and namely physical and symbolic invisibility. *The physical invisibility*, which is regarded in the works by Carl von Clausewitz, Carl Schmitt, Zygmunt Bauman, Grégoire Chamayou and others, belongs to enemies on the battlefield or to remote warfare. Russian philosophers look at this concept from an ethical perspective (Vladimir Solovyov, Lev Karsavin, Nikolai Berdyaev, Fyodor Stepun). The author of the article substantiates the thesis about the situational and relative nature of the phenomenon of the invisible enemy, associated with reaching the limit of perceptual indistinguishability. The physical invisibility of the enemy is caused by the appropriation of new war spaces in which vertical dimensions are established. Arguing with the ideas of Carl Schmitt, the author uses this concept not only in relation to the irregular fighters (partisans), but also in relation to modern combatants. The ways of acquisition of *the symbolic invisibility* are revealed in the works of Francis Bacon, Thomas Hobbes, Carl Schmitt. It is based on the transfer of the war actor to a different semantic field, in which it is depoliticized and re-symbolized as a civilian object.

Keywords: invisible enemy, politics, war, enmity, space, body.

References

1. Solov'ev, V.S. (2010), The Justification of the Good, in: Solov'ev, V.S., *Nravstvennaia filozofia. Izbrannoe*, Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., pp.198–423. (In Russian)
2. Karsavin, L.P. (2011), The Human Person in Christianity, in: Karsavin, L.P., *Filozofia istorii*, Minsk: Izd-vo Belorusskogo Ekzarkhata Publ., pp.621–766. (In Russian)
3. Stepun, F. (1926), *From the Letters of an Artillery Ensign*, Praga: Plamia Publ. (In Russian)
4. Schmitt, C. (2007), *Theory of the Partisan*, Moscow: Praksis Publ. (In Russian)
5. Bauman, Z. (2010), *Modernity and the Holocaust*, Moscow: Evropa Publ. (In Russian)
6. Chamayou, G. (2020), *A Theory of the Drone*, Moscow: Ad Marginem Publ., Muzei sovremennogo iskusstva “Garazh” Publ. (In Russian)
7. Shaw, D.M. (2020), Invisible Enemies: Coronavirus and Other Hidden Threats, *Journal of bioethical inquiry*, vol. 17 (4), pp.531–534. <https://doi.org/10.1007/s11673-020-10015-w>
8. Farris, S., Yuval-Davis, N. and Rottenberg, C. (2021), The Frontline as Performative Frame: An Analysis of the UK COVID Crisis, *State Crime Journal*, vol. 10 (2), pp.284–303. <https://doi.org/10.13169/statecrime.10.2.0284>.
9. Sontag, S. (2005), Krankheit als Metapher, in: Sontag, S., *Krankheit als Metapher, Aids und seine Metaphern*, 2. Aufl., Frankfurt a. M.: Fischer, pp.9–74.
10. Bischof, K. (2015), Metaphern und deren Relevanz in der politischen Theorie, in: *Global Player EU? Eine ideologiekritische Metaphernanalyse*, Bielefeld: transcript Verlag, pp.11–81.
11. Kantorowicz, E.H. (2015), *The King's Two Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology*, Moscow: Institut Gaidara Publ. (In Russian)
12. Hobbes, Th. (2001), *Leviathan*, Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)
13. Schmitt, C. (2016), *The Concept of the Political*, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)
14. Slinin, Ya.A. (2004), *The Phenomenology of Intersubjectivity*, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)
15. Rousseau, J.-J. (1938), *The Social Contract, or Principles of Political Right*, Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo Publ. (In Russian)
16. Schmitt, C. (2008), *The Nomos of the Earth in the International Law of the Jus Publicum Europaeum*, St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ. (In Russian)
17. Clauzewitz, C. (2009), *On War*: pt. 5–6, Moscow: RIMIS Publ. (In Russian)
18. Berdyaev, N.A. (2006), *Slavery and Freedom*, Moscow: AST; AST Moskva; Khranitel' Publ. (In Russian)

19. Flickinger, B. (2007), Krieg und Kino. Visuelle Waffen im Spiel mit der Wahr-Nehmung, in: *Krieg. Vergleichende Perspektiven aus Kunst, Musik und Geschichte*, Heidelberg: Universitätsverlag Winter GmbH, S. 187–200.
20. Descombes, V. (2004), *Modern French Philosophy*, Moscow: Ves' mir Publ. (In Russian)
21. Sartre, J.-P. (2001), *The Imaginary: A Phenomenological Psychology of the Imagination*, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)
22. Jaspers, K. (1958), *Die Atombombe und die Zukunft des Menschen. Politisches Bewusstsein in unserer Zeit*, München: R. Piper & Co Verlag.
23. Bacon, F. (1962), New Atlantis, in: Bacon, F., *Novaia Atlantida. Opyty i nastavleniia npravstvennye i politicheskie*, Moscow: AN SSSR Publ., pp. 5–33. (In Russian)

Received: June 27, 2022

Accepted: April 15, 2023

Author's information:

Natalia A. Balakleets — PhD in Philosophy, Associate Professor; bnatalja@mail.ru